

ЗА РОДИНУ

№ 129 (529) Воскресенье—Понедельник, 11/12-го июня 1944 г. Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция: Рига, ул. Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную Русскую Почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Подписка принимается во всех почтовых отделениях по месту жительства. Плата за подписку — 12 руб. в месяц. Деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) посылать почтовым денежным переводом по адресу: Postcheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Русь и СССР

20-го мая ТАСС сообщил о соборезновании, которое высказал Совнарком СССР Святейшему Синоду по поводу смерти патриарха Сергия. В этом соборезновании в точности сказано следующее:

— Совет Народных Комиссаров Союза ССР в связи со смертью Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Сергия выражает Священному Синоду Русской Православной Церкви свое глубокое соболезнование.

Факт этого соболезнования — чудовищный факт! То самое правительство, которое замучило патриарха Тихона, ныне соболезнует по поводу смерти патриарха Сергия. Мир человеческий видал много подлостей. Пусть он увидит еще одну: соболезнование палача.

Но нас сейчас интересует не это. При чтении ТАСС-овского извещения нас поразило другое:

Совнарком-то — СССР, а патриарх Всея Руси. Что это? Два разных государства, что ли? Почему это они называются по разному? Одно — СССР, а другое — Русь! Совнарком управляет в СССР, а патриарх руководит церковью на Руси. Разве это не одно и то же?

Нет, это не одно и то же. Совнарком на Руси также невозможен и так же немислим, как невозможен и немислим патриарх в СССР. Ведь согласитесь сами, что почти кошунством звучало бы: — Совет народных комиссаров... всея Руси!

Или: — Святейший патриарх Союза Советских Социалистических Республик.

Это более дико, чем «железное дерево», чем «коровьи крылья», чем «милосердие НКВД!» В СССР не может быть патриарха, а на Руси не может быть Совнаркома, как не может быть крыльев у коровы и милосердия в НКВД!

И редакция ТАСС-овского извещения подчеркивает это с предельной ясностью. Она утверждает то, что всем понятно: — СССР — это одно, а Русь — это другое.

Русь и СССР две величины, которые не только исключают, но и уничтожают одна другую. Они по природе своей, непримиримы и по духу своему они не соединимы. Или — или. Или СССР, или Русь.

Два года подряд Сталин пытается связать веревочкой чорта эти два понятия. Он мобилизует для нужд СССР и Александра Невского, и Минина, и Кутузова и Суворова... Погдите! Если ему понадобится, то он будет призывать к выполнению заветов Столыпина и Плеве, он не постыдится объявить убийство царской семьи делом рук вредителей... Он в деизмеримой подлости своей оплюет все, что он сегодня облизывает, и начнет облизывать то, что он вчера оплевывал. Он пытается загримировать СССР Русью, но... оттопыренные уши, крючковатый нос и наглые глаза торчат из-под грима, а картавый голос напрасно пытается поддаться под певучую русскую речь.

Но когда надо сказать прямо, когда нельзя прятаться, Сталин говорит без экивоков, без подмигиваний и без очковитательства: «Совнарком СССР. Патриарх Всея Руси».

СССР — одно... Русь — другое. Ни соединить, ни примирить их нельзя.

Помни, русский: — Если ты защищаешь СССР, ты ведешь борьбу с Русью. Если ты защищаешь Русь — ты ведешь борьбу с СССР.

И наоборот: — Если ты ведешь борьбу с СССР — ты защищаешь Русь.

Или — или. Никакого «и» нет, и быть не может. Нельзя защищать и СССР, и Русь.

Помни, каждый! Если ты русский, то немедленно вступай в бой со злейшим врагом своей родины — с создателями СССР!

Этим ты защищаешь Русь!

В. Т.

Отражение десанта у Трувилля

Неприятель понес огромные потери

Ставка Фюрера, 10 июня. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает: На неприятельском предместном укреплении в Нормандии бои усилились вследствие подвода подкреплений обеими сторонами.

Попытка неприятеля высадиться около Трувилля, южнее устья Сены, отражена огнем германских береговых батарей. Неприятель понес огромные потери. Потоплено одно неприятельское военное судно. Остальные были принуждены отступить.

Успешно развиваются операции по очистке местности от неприятеля на восточном берегу реки Орн. Неприятельские контратаки на Трувилль отражены. В районе Казн-Баге продолжаются тяжелые танковые сражения. После ожесточенной борьбы, неприятелю удалось отступить германские охранительные линии, прикрывавшие подход германских резервов.

На полуострове Шербург продолжаются ожесточенные бои.

Германские части успешно сопротивляются сильным неприятельским соединениям и превосходящей своей численностью авиации противника. На протяжении всего фронта многочисленные германские опорные точки и доты, окруженные неприятелем, в упорной борьбе продолжают оказывать сопротивление. За первые три дня уничтожено более двухсот неприятельских танков и захвачено несколько тысяч пленных. Кроме того, особенно тяжелые потери неприятель понес среди своих парашютистов.

Германские военно-морские силы и боевые самолеты успешно оперировали против десантного флота англо-американцев. Неприятель понес тяжелые потери. В западной части канала Ламанш произошло столкновение германских легких военно-морских единиц с численно превосходящим соединением неприятельских крейсеров и истребителей. В продолжении многочасовой ожесточенной борьбы тяжело повреждены крейсер и один истребитель противника. Погиб германский истребитель.

В Ламанше и около десантного плацдарма, в боях между германскими охранительными соединениями и неприятельскими быстроходными катерами, повреждено несколько катеров противника. Погибли три германских канонерки.

Германский военный флот и авиация, а также береговые батареи военного флота и армии с 6 июня потопили два неприятельских крейсера, три истребителя, шесть транспортных судов, общим водоизмещением в 38.000 брт., пять танковых десантных судов, общим водоизмещением в 15.700 брт.

и семь танковых десантных баркасов, общим водоизмещением в 2.600 брт.

Бомбами, торпедами и снарядами повреждены четыре неприятельских крейсера, в том числе один тяжелый, шесть истребителей, пять быстроходных катеров, восемь транспортных судов, общим водоизмещением в 41.000 брт. и 14 специальных десантных судов. Кроме того, потоплены и повреждены многочисленные десантные суда и штурмовые катера неприятеля.

Многочисленные неприятельские военные и десантные суда погибли на германских минных заграждениях. Сюда относятся гибель, по меньшей мере, двадцати крупных и средних неприятельских судов, а также многочисленных мелких десантных пловучих единиц неприятеля.

По прекрасным дорогам северной Франции непрерывной чередой двигаются танки, связисты, снабженцы.

В Италии центр тяжести боев попрежнему лежал западнее Тибра. Неприятель атаковал германский арьергард сильными танковыми соединениями и после жарких боев отступил в Винтербо.

Восточнее Тибра неприятель, сдерживаемый германским арьергардом и многочисленными препятствиями на дорогах, вяло продвигается за германскими частями, отходящими в Сабинские горы и на юж-

ными, а также многочисленное оружие всякого рода.

В предобеденные часы 9 июня североамериканские бомбардировщики произвели террористический налет на город Мюнхен. Германская противовоздушная оборона сбила 55 неприятельских самолетов.

Одиночные английские самолеты прошлой ночью сбросили бомбы на городские кварталы Берлина.

Решительная фаза войны

Военный обзор за неделю

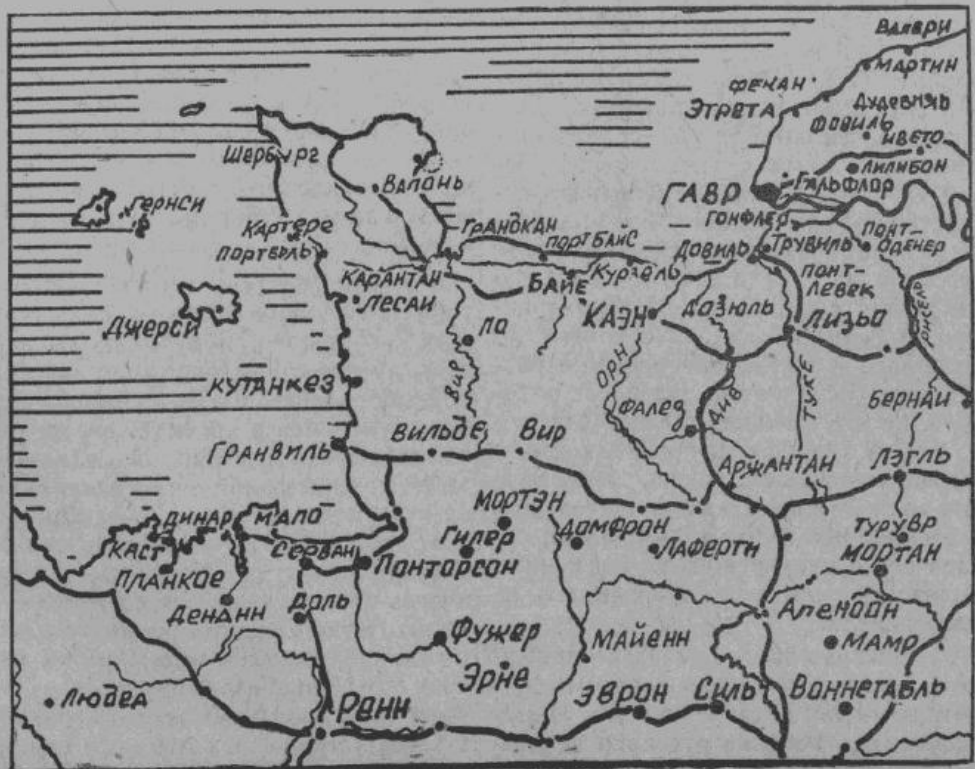
Война вступила в новую решительную стадию. Западный противник Германии — англо-американцы в ночь на 6-ое июня перешли к активным операциям, начав добиваться наступления на северную Францию.

Это вторжение в западную Европу подготовилось англо-американцами долго и тщательно. Однако, и немецкое командование, со своей стороны, было к нему вполне подготовлено. Оперативные цели обеих сторон заключаются в следующем: англо-американцы для того, чтобы выиграть войну, неминусомо должны поразить Европу в самое ее сердце, то-есть вступить в Германию. Достигнуть этого возможно лишь, создав себе предместное укрепление на равнинах западной Европы, откуда можно повести операции крупного масштаба на восток. Италия, где англо-американцы уже продолжительное время ведут усиленное наступление, для этой цели не подходит, так как гористая местность не позволяет предпринимать операции крупного масштаба и продвижение войсковых частей через Апен-

ны и Альпы связано с необычайными трудностями. Поэтому вторжение в западную Европу было неизбежно.

Оперативные цели немцев заключаются в том, чтобы разбить наголову англо-американские войска, и, таким образом, выбить западного противника из войны. Для этого, однако, требуется присутствие основного ядра всех англо-американских сил на европейском континенте. Поэтому, на этот раз немцы не отбили сразу неприятельский десант, как это было в 1942 году, у Дьеппа, а дали противнику возможность высадиться. Теперь вся тактика германского командования заключается в том, чтобы, причиняя противнику наибольший урон, заставляя его бросать в бой все новые и новые силы и постепенно переправить через Ламанш большую часть своих войск.

Главнокомандующий армией вторжения, американский генерал Эйзенхвер, располагает в общей сложности 80-ю дивизиями, из которых на фронте вторжения в бой брошено пока семнадцать.

Куда и когда будут брошены остальные — неизвестно, но ясно, что вместо каждой дивизии, разбитой в северной Франции, Эйзенхверу приходится отправлять туда новую, предназначенную по первоначальному плану для операций в другом месте.

События пока развивались следующим образом. В ночь с пятого на шестое июня англо-американский воздушный флот начал страшную бомбардировку всего прибрежного района северной Франции между портами Шербургом и Гавром, после чего во многих местах сбросил воздушный десант. Одновременно, под прикрытием усиленного огня судовой артиллерии, была начата лобовая атака на побережье и высадка войск с моря. Воздушный десант почти повсюду германскими войсками уничтожен. Наиболее крупный отряд, численностью от четырех до пяти дивизий, высадившийся в районе Карантана, германскими частями окружен. Части противника, высадившиеся с моря, восточнее реки Орн, уничтожены. Западнее реки Орн англо-американцам удалось создать предместное укрепление, простирающееся на шестьдесят километров в длину и десять-двенадцать в глубину. Германские войска во многих местах перешли в контратаку и особенно сильно теснят это предместное укрепление с востока.

Положение англо-американцев здесь весьма затруднительное, так как в их распоряжении нет ни одного порта. Поэтому, первой тактической целью их является создание сплошной линии фронта на полуострове Контентин и захват порта Шербурга. Для этого обем упомянутым десантным группам необходимо добиться соединения, чего, однако, немцы до сих пор не допустили.

В ожесточенных боях, происходящих в северной Франции, противник несет огромные потери. Из пятнадцати дивизий, брошенных им в бой, по меньшей мере, пять разгромлены полностью. Не менее внушительны морские потери противника. С достоверностью установлено, что кроме двух крейсеров и нескольких эсминцев, потоплено пятьдесят три войсковых транспорта и десантных судна, погибших вместе со всем своим грузом. По самой осторожной оценке, флот вторжения потерял до сих пор двести тысяч брутто тонн сухоходного тоннажа. С момента начала десанта до 12 часов дня 9-го июня сбито 367 англо-американских самолетов.

В южной Италии генерал-фельдмаршал Кессельринг продолжает уклоняться от

решительного сражения. В ходе его отрывных маневров оставлен Рим. Желая спасти Вечный Город от разрушений и стремясь не вовлечь его в непосредственную сферу боев, Кессельринг по приказу Фюрера предложил противнику объявить город открытым и не пропускать через него войска ни той, ни другой стороны. Английский генерал Александер ответил, однако, на это сильными танковым ударом по центру города, с целью отрезать немецкие части, находившиеся восточнее него. При таких обстоятельствах бои в Риме стали неизбежными и германским войскам пришлось воле-неволею пройти через весь город, отбиваясь от англо-американских танков.

В настоящее время в Италии бои ведутся преимущественно на западном побережье, где германские войска обороняются у поселка Чивитавекchia от сильных англо-американских танковых частей, пытающихся пробить себе путь на север.

На восточном фронте, несмотря на кажущееся затишье, произошли важные события. Германские и румынские войска, между реками Прут и Серет, захватили у большевиков ряд весьма важных и очень сильно укрепленных высотных позиций. Этим линия германского оборонительного фронта, несомненно, значительно улучшилась и германские дивизии теперь на новых позициях готовы отразить удар противника на Румынию.

Во время этих операций происходили крайне ожесточенные бои за целый ряд разветвленных в глубину и превращенных в такие крепости холмов. В этих боях сильно пострадало десять советских дивизий. Всю операцию теперь следует рассматривать законченной.

Концентрация советских войск во многих пунктах восточного фронта продолжается. Советские позиции насыщены войсками, поэтому с известной уверенностью можно полагать, что новое наступление большевиков может начат в один из самых ближайших дней. Видимому, советское командование пока еще медлит с началом наступления, выжидая развития событий в северной Франции. Можно думать, что у англо-американцев и большевиков имеется общий план военных действий, в ходе которых советскому наступлению отведена далеко не последняя роль.

Когда начнется это наступление и как ответит на него германское командование покажет ближайшее будущее.

Я. Смирнов.

На фронте вторжения В тылу у противника

Германские опорные пункты за спиной врага

Берлин, 10 июня.

У устья реки Орн, среди англо-американского предместного укрепления, находится целый ряд германских опорных пунктов и укреплений. Их первой задачей было — встретить англо-американские десантные войска огненным смерчем и причинить им ущерб еще до того, как они всту-

пили на землю. Теперь, после того, как первая десантная волна прошла линию побережья и обошла германские блиндажи, немецкие укрепления продолжают обстрел противника. Англо-американцы не рискнули принять тяжелый бой против укреплений, так как в этом случае они бы не успели во-время продвинуться вперед.

Вторая задача германских укреплений заключается в том, чтобы преградить путь к морю англо-американским войскам, когда немецкие резервы принудят их к отступлению. В этот момент германские орудия в блиндажах способны стрелять во все стороны, преградить им спасительную дорогу домой. Германские опорные пункты снабжены достаточным количеством продовольствия, воды и боеприпасов, чтобы продолжительное время, без лишней поддержки в тылу противника.

При англо-американских пленных найдено не только полное вооружение до минометов включительно, но и длинные ножи, называемые «ножами вторжения», а также огромные кастеты, сделанные по образцу чикагских гангстеров. Почти у всех пленных найдены также новые свежеепечатанные оккупационные деньги и французские франки, ловко подделанные в Англии.

Потоплено большое вражеское судно

Берлин, 9 июня

В ночь на пятницу германские боевые самолеты прорвались через заградительный огонь противника и сбросили бомбы скопления вражеских кораблей. Вдруг в центре скопления раздался сильнейший взрыв, огромные языки пламени поднялись к небу. В течение получаса, пламя все больше расширялось, черные облака дыма распространились на двадцать морских миль. Повидимому, было достигнуто поладание в очень крупное судно.

РОА на западе

По поступившим с фронта вторжения сообщениям, принимающие в боях против англо-американцев добровольческие части Русской Освободительной Армии, борются плечом к плечу с немецкими солдатами, проявляя надлежащую доблесть, выдержку и отвагу.

Это как нельзя лучше символизирует и подтверждает общность интересов русского и немецкого народов, имеющих общего врага в лице иудоплутско-большевицких «союзников».

Убийство японцев проживающих в США

Токио, 9 июня

Проживающие в Америке японцы, отказавшиеся отречься от японского гражданства, были интернированы правительством США и помещены в известный своим зверским режимом концентрационный лагерь на озере Тьюл-Лэйк, в Калифорнии. Под разными предлогами американскими властями убито семь и ранено десять японских граждан. Убийства совершаются методически с самого начала войны. Японское правительство, возмущенное разбойничьим поведением американцев, передало через нейтрального представителя резкий протест правительству США.

Наглость американцев

Женева, 9 июня.

В английском городе Гранта солдаты американского гарнизона пристают к женщинам. Подобные случаи наблюдаются во всех городах, где расположено американский гарнизон. На соответствующий запрос в английском парламенте, представитель правительства уклончиво ответил: «По имеющимся сведениям, американские военные власти строго следят за дисциплиной своих солдат...»

НОРМАНДИЯ

Англичане вторгаются в Нормандию не в первый раз

Десант англо-американских войск в Нормандии в районе устья Сены, делает этот живописный, богатый край ареной ожесточенных боев, которые, может быть, сыграют решающую роль в исходе нынешней войны.

Страна богатых деревень и ферм, утопающих во фруктовых садах, многолюдных, шумных, известных на весь мир портов, какими являются Гавр, Шербург и Руан, средневековых романских замков и готических соборов, густых лесов и пышных пастбищ, Нормандия всегда была одной из самых богатых областей Франции, ее житницей, садом и молочной фермой. Она дала Франции и множество выдающихся людей, среди которых прежде всего следует отметить автора «Поля и Виргиний» Бернарда де Сен-Пьера, уроженца Гавра, и знаменитого писателя Гюи де Мопассана, воспевавшего свою родину Нормандию в романах («Пьер и Жан»), повестях и рассказах. Гавр, Довиль, Руан, Фекан, Этрета, Ивето, — все эти названия портов, городов и местечек, которые в ближайшие дни вероятно будут упоминаются в сводках военного командования, являются весьма часто местом действия бесчисленных мопассановских героев и стали хорошо известны читателям всего света.

Англичане вторгаются в Нормандию не в первый раз. Особенно долго эта страна была под владычеством англичан в пятнадцатом веке: в 1417 году она была завоевана английским королем Генрихом Пятым и находилась во власти англичан до 1449 года, когда войска французского короля Карла Седьмого завоевали ее. Карл Седьмой обещал Нормандию сохранение ее привилегий,

Испанский еженедельный журнал «Доминго» опубликовал недавно любопытный разоблачительный материал, основанный на документах и свидетельствах людей, причастных к одной из наглостей авантюры большевиков в начале коллективизации и индустриализации СССР.

Как известно, осуществление грандиозных замыслов Сталина по превращению нашей страны в гигантский военный завод обуславливалось приобретением на первых же порах огромного количества зарубежных инструментов, станков и машин.

На щедрые посулы большевиков заграничные фермы реагировали вяло, предпочитая сталинским журавлям в небе — валютную синицу в руки, а валюты у большевиков не хватало, несмотря на беспощадное разбазаривание всех национальных музейных ценностей России и выжимание Торгсизном из голодного населения последних остатков золота.

В этот критический момент и родился один из «гениальных» вариантов первой сталинской пятилетки.

При посредстве своих заграничных агентов, через различные торгпредства, полпредства, мопры и воксы большевики с помощью испытанных средств — шантажа, подкупа и кор-

рупции проникли в самые недра американской государственной экспедиции и обзавелись не только гербовой бумагой, но и всеми остальными средствами для изготовления натуральных долларов.

Мало того, они заполучили и специалистов по выпуску американских бумажных денег.

На территории СССР, легально, под надежной охраной НКВД, заработал «первенец сталинской пятилетки» — усовершенствованный фальшивомонетный станок, продукция коего ни в чем не уступала американской.

Фальшивки были изготовлены настолько прилежно, что американские банки, даже после возникновения тревожных биржевых подозрений, продолжали принимать «советские доллары» ничтоже сумняшися.

Они транспортировались и распространялись в Америке через специальную агентуру, один из представителей которой Греггар Буртон со скромной суммой в двадцать пять тысяч все таки засыпался и угодил в 1933 году в тюрьму.

Во избежание международного скандала и срыва торговых операций, большевики вынуждены были от sobлазнительного лозунга «догнать и перегнать Америку по выпуску долларов» отказаться.

Тем не менее, по свидетельству одного из ответственных фальшивомонетчиков, чекиста Гривинского, удачно улизнувшего из СССР в том же 1933 году, большевики успели сплавить в Америку не больше ни меньше, как сто миллионов фальшивых долларов.

Остается добавить, что до разоблачения большевизской аферы, концы ее были спрятаны в такие глубины амери-

канской правительственной коррупции, что судьи, как ни бились, распутать преступление не сумели.

Теперь же, когда дело всплыло на поверхность, американское правительство реагировало на прежние проделки своего нынешнего соратника тем, что руководствуясь имеющимися образцами, списало в убыток фальшивки с банковских счетов, приказало кому следует шума по этому поводу не устраивать, а единственного живого преступника и свидетеля Греггара Буртона — выпустило из Пенсильванской тюрьмы и, по настоянию советского посольства в Вашингтоне, вернуло его в лоно Наркомвнудела.

Можно быть совершенно уверенными, что полезный станок не разобран и ждет часа, когда сможет снова принять участие в сложных и запутанных советско-американских валютных расчетах.

Станок ждет. Но дождется ли — покажет исход войны.

A. C.

„Карантин“ против Аргентины

Стокгольм, 9 июня

Газета «Нью-Йорк Пост» в передовой статье предлагает подвергнуть Аргентину строгому «карантину», так как эта страна угрожает миру, существованию США как нации и противоречит всем идеалам США. Этот карантин должен заключаться в прекращении торговли, почтовой, телеграфной, телефонной связи с Аргентиной, в разрыве контрактов на судовое и воздушное сообщение и запрещение пользоваться международным правом торговли и передвижения на море. Подобное предложение для нас не

новость: если какая-нибудь страна не хочет плясать под дудку США, то последние осыпают ее клеветой и ложью и пытаются повлиять на нее путем хозяйственного давления. Южноамериканские республики почти ежедневно получают уроки этой «добрососедской» политики США.

На происшедшей в Вашингтоне конференции печати выяснилось, что правительство США поставляет мятежникам южно-американских республик военное снаряжение, вплоть до танков включительно. Это лишний раз подчеркивает то, что «добрососедская» политика Рузвельта по отношению к южно-американским республикам заключается главным образом в барышах на поставке оружия.

Черные списки

Стокгольм, 9 июня.

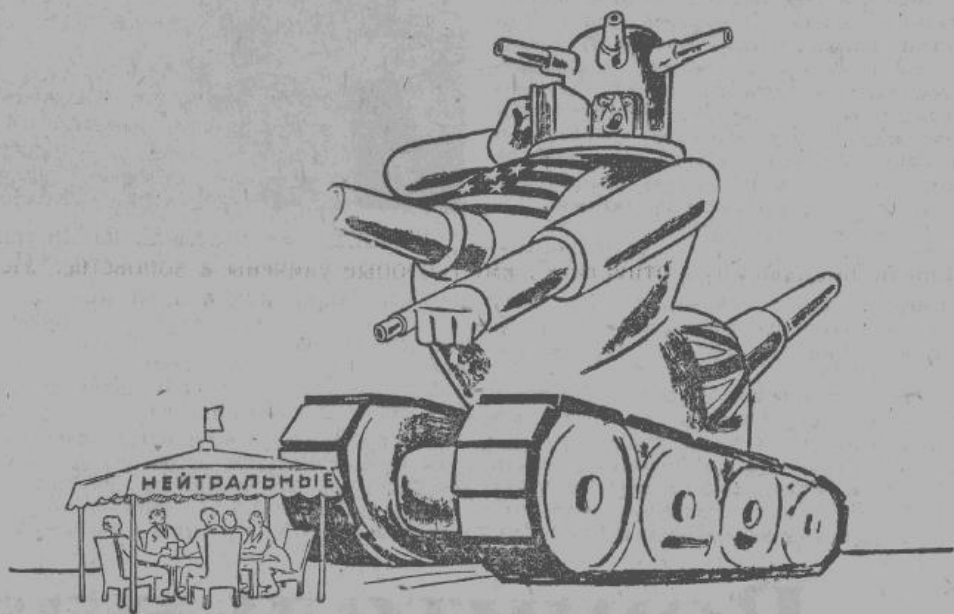
В новых «черных списках», опубликованных государственным департаментом США, перечислены 84 финских и, что всего удивительно, также 53 шведских фирмы.

Новые итальянские марки

Милан, 9 июня.

5 июня поступили в обращение новые итальянские почтовые марки достоинством в 20, 25 и 30 центезимов. На марках изображены знаменитые итальянские памятники искусства, ставшие жертвами англо-американского воздушного террора.

ВИНОВНИКИ НАШЛИ СЯ!

— Смотрите, вот кто мешает нашему военному успеху

Вековое недоразумение

Русскому народу довелось строить свое государство с крайним напряжением всех своих сил. Жертвы, которые русский человек веками приносил на алтарь своего отечества, были безмерно велики. Казалось бы, тем дороже должно быть для русского человека его государство, тем более, что тяжкие жертвы были необходимы и, следовательно, оправданы. Но бедой русского народа была то, что жертвы эти были подневольны, требовались властью и требовались с полной беспощадностью. И если старая власть московских царей, расточая кровь и достойные народное, считала нужным иногда обратиться к сознанию и совести народа на земских соборах, чтобы потребовать от купцов и посадских людей десятую или пятую деньги, то империя уже совсем не считала нужным прислушиваться к голосу и мнению народному. Кроме того, в требованиях государства народ видел не только влечение истории, но и злоупотребления правящего класса, его корысть и неправду, его беспощадность. И нужно сказать, что для этого взгляда народного имелось достаточно оснований. По всем этим причинам росло отчуждение русского народа от его государства, постепенно укреплялся взгляд на государство, как на силу чуждую и враждебную. Этому опасному взгляду не было противопоставлено ничего разумного, ничего доходящего до сердца народного. От государства народ слышал только требования рабского повиновения даже до смерти и отчуждался от него все более и более.

дебри, а если и в лесном скиту настагала всемогущая рука государства, то уход в горящий сруб. «Только и уходу, что в огонь и в воду», — расуждали государственные отщепенцы. Много нужно отчаяния, чтобы притти к такой формуле и еще больше, чтобы в самом деле уйти в огонь. Был уход политический — в казачьи. Конечно, уход этот был только по видимости, потому что на своей Украине казаки выполняли, в сущности, государственное задание, но личная судьба казака устраивалась несравненно менее трагично, чем судьба холопа или крестьянина.

Но противогосударственные настроения казачества были сильны, и при благоприятных обстоятельствах вырывались на волю с великою разрушительною силою. Дорого тогда платила Россия за казачьи услуги и за порок русского государственного строительства.

Уходили в разбойники. Разбойничество — это целый раздел русской жизни, настолько значительный для сознания народного, что он отмечен циклом песен, среди которых имеется такая прекрасная, как «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка».

Уходили в бунт, к атаману Степану свет Тимофеевичу. Собирались в круг, выбирали атамана и есаулов, венчались вокруг раkitова куста, разбивали царевы кабаки, изводили бояр и приказных, жгли, грабили и насиловали и, не устояв против войск иноземного строя, умирали на виселицах, на плахах, на колесах. Тряхнуть Русь эта волница очень могла; завети более разумный государственный порядок была совершенно неспособна. Никаких определенных

государственных идеалов у нее не было.

Но, конечно, физический уход от государства — в огонь ли, в бунт ли, — был уделом немногих. Большинство пребывало под властью государства неизбежно. Но и это большинство по своему уходило от государства, и то была самая опасная разновидность ухода, — уход внутренний: в равнодушие к интересам государства, в отчуждение от его задач, во вражду к его власти. Государство помогало этому опасному явлению по мере сил.

Это внутреннее бегство от государства, было чрезвычайно опасно потому, что оно совершалось не во имя более высокого государственного идеала, а во имя полного и решительного отрицания государства вообще. Этот отрицательный идеал делал для русских людей психологически невозможным бороться за более совершенный государственный порядок. Для русского человека, механика государственного строя осталась неинтересной тайной, законы изменения государственных порядков — за пределами его воображения, способы воздействия на государство в целях его изменения совершенно вне его практических интересов. То, к чему он стремился — было совершенное разрушение государства, на месте которого, по его мнению, должна была сама собой возникнуть привольная, ничем не омрачаемая жизнь. Эта утопия толкала народ к разрушительным и бесплодным бунтам, а позднее отдала его в руки революционных проходивцев, которые привели его на край гибели.

Русский человек оказался лишенным государственных добродетелей, которыми так богат европеец. И это, разумеется, не вина русского человека — беда его. Беда застарелая, давнишняя, но не вековая, и с нею

русский человек, будем надеяться, способен справиться.

Сказанному несколько не противоречит то, например, обстоятельство, что в смутное время народ под водительством Минина и Пожарского стал за свое государство и героически защитил его. Смута была не только временем народного героизма, но и временем измены, шатости и всечасного «воровства», не только времен патриарха Гермогена и дьяка Томили Луговского, но и временем Заруцкого и тушинских самозванцев. Главное же, если наиболее здоровая часть русского народа и поднялась с тем, чтобы крепко постоять «за дом Пресвятыя Богородицы», то речь шла о том, чтобы спасти русское государство, каково оно было, потому что без него всему русскому народу угрожала конечная гибель. О том же, чтобы падающий «дом Пресвятыя Богородицы» расширить и улучшить, об этом русские люди речи не заводили. И даже в пути спасения гибнущего государства ясно не разбирались: государственное дело пытались делать вместе с ворами и за то пуще страдали.

Когда в 1861 году по воле императора Александра Второго пала крепостная неволя, и русское государство вместе с тем пережило подлинное обновление, можно было подумать, что ушла в прошлое эта противоположность государства и «людишек», которые либо тягло тянули, пока не в мочь стало, либо «брели розно», либо бунтовали против этого самого государства. Казалось, складывались предпосылки для сознательной политической жизни русского народа. Однако, скоро всем надеждам на этот счет суждено было рассеяться. Причина была все в тех же антигосударственных традициях русского народа. Они сказались и в эгоистической политике дворянства, одинаково гибель-

ной и для сословия и для страны, и в революционном утопизме интеллигенции, и, главное, в глубоком непонимании природы государства и равнодушии к нему со стороны крестьянства. Русский народ очень слабо оценил значение данных ему гражданских прав, в земстве он не видел ничего, кроме аппарата для взимания налогов, не проявил почти никакой охоты к гражданской деятельности. Правда, благодаря усилиям дворянства, она была почти невозможна. Но все же поразительно, до какой степени мало вырос народ политически за полвека с отмены крепостного права и как мало проявил вкуса он к этому росту. Зато крепил его бунтарские наклонности, совершенно во вкусе разнищины и пугачевщины. Это и сказало с полной очевидностью в годы революции 1905 и 1917 г. г.

Уроки большевизмской революции слишком жестоки и наглядны, чтобы народ не извлек из них спасительных выводов. Народ должен понимать, что в колхозах под сенью сталинской конституции он пожинает плоды своего презрения к государственному бытию и праву. В муках рождается государственное сознание русского народа. В этом и заключается значение нашей эпохи. И, начиная борьбу с большевизмом, русский народ не должен, подобно своим предкам, начала XVII века ограничивать свои задачи только преодолением разрухи и установлением законной власти. Он должен взять в свои руки строительство государства и вести его за своею ответственностью.

Начинается новая эпоха русского национального сознания. Русский народ, принесший неисчислимые жертвы своему тысячелетнему уже государству, становится, наконец, сознательно государственным народом. Кончается государственная каторга, начинается государственное творчество. Т. Лютов

Слабость жестоких

Нежного слабей жестокий...

Пушкин.

Когда после убийства Кирова Сталину угодно было сделать ответственным за это убийство Медведа, начальника Ленинградского ГПУ, этот «железный чекист» проявил крайнее малодушие. Возвращаясь к себе на квартиру после допросов, он часами рыдал на диване. Ягода, который с удивительным хладнокровием губил невинных людей и сделал из этого занятия специальность, сидя на скамье подсудимых, трусливо умолял судей о пощаде. Он клялся честно служить Сталину, партии и революционному пролетариату и загладит свою вину. Как будто он раньше делал что-нибудь другое, и не служил им более чем «честно».

Сколь ни был жесток Ягода, жестокость все же не застраховала его от позорного малодушия. И невольно возникают вопросы: отчего эти, мнящие себя сильными, так жестоки? Разве настоящая сила требует жестокости?

Многие из большевиков вначале своей партийной деятельности были фанатиками. Фанатизм узок, отвлечен, пошл, но он все-таки искренен. Фанатизм — это слепая вера в объект, недостойный веры. Сначала большевики фанатически жертвовали своей головой, но потом сочли более удобным и выгодным разбивать чужие лбы. Большевики создали культ насилия.

Сначала полагалось применять насилие против классового врага: буржуя и помещика. Скоро оказалось необходимым применить его к крестьянству. Затем объектом насилия сделался и рабочий класс, и структура социалистического общества крайне упростилась, будучи сведена к двум элементам: насилие и покоренный народ. Но, наконец, и партия сделалась объектом насилия со стороны Политбюро. И в самом Политбюро идет сложная игра: члены играют головами друг друга.

В соответствии с этой эволюцией и менялась природа большевизма. В начале большевики обладали убеждениями. Пусть убеждения эти были вздорны и фанатичны, все же это были убеждения. Большевики, — по крайней мере, наиболее наивные из них, — верили в победу над эксплуатацией, благосостояние трудящихся и какое-то народное счастье. Но годы шли, «социализм» строился и был построен, и для всех, имеющих глаза, чтобы видеть, стало ясно, что кровь, насилие, нищета и есть содержание большевизма. И тогда убеждения стали ненужны и опасны. Инстинкт самоохранения властью

требовал покончить с убеждениями. И с ними было покончено.

Можно довольно точно указать дату ликвидации убеждений у большевиков. Это — 1929 год — «год великого перелома», год коллективизации. Если до этого времени, несмотря на весь пережитый опыт, среди большевиков еще находились простаки, которые верили, что страдания и кровь русского народа будут, в конце концов, оправданы достижениями революции, то результаты коллективизации эту веру похоронили окончательно. Началось быстрое расхождение большевиков на идейных, которые подлежали истреблению и истреблялись, и на беспринципных и покорных рабов Сталина, которые тоже истреблялись, но в меньшей степени.

Теперь от партийцев требовалась безличность, исполнительность и свирепая жестокость. Если они не были жестоки нутром, тем хуже было для

них. Тогда их повседневная практика сталкивалась в мучительном противоречии не с убеждениями, которых не было, а просто с естественными человеческими чувствами.

Эти рядовые большевики творят жестокое, бесчеловечное дело. Но они не сильны ни духом ни идейно, а слабы, и тем слабее, чем более жестоки. У них нет силы убеждения, даже фанатического. Большевизм для них дело шкурное. Большевизм, как идейное явление, уничтожен всей кровавой эволюцией большевизма, большевизм для них мыслим только, как форма шкурничества.

Люди изнемогли под гнетом обязательной для них жестокости. Тяжко иго идейной жестокости, еще более тяжко иго жестокости беспринципной. Под его тяжестью изнемогает человек и падает в совершенном бессилии.

Т. Лютов.

РАССКАЗЫВАЕТ свидетели БОЛЬШЕВИЗМА

(Из воспоминаний московского учителя)

Романтика советских детей

По вечерам на московских улицах до войны царил обычное оживление. На трамвайных остановках, у кинотеатров и клубов, у прилавков в магазинах была суетола и толчея. Среди взрослых можно было поздно вечером встретить немало девочек и мальчиков, которые все свое время проводили на улице в поисках развлечений и занимательного времяпрепровождения.

Взрослым людям мало было дела до маленьких прохожих, уличных заведунтов.

— Дяденька, дай прикурить, — слышится на трамвайной остановке просьба маленького курильщика.

«Дяденька» деловито сдувает пепел с папиросы, наклоняется и ждет, пока неумелый мальчуган прикурит.

На Каляевской улице в магазине «Гастроном» около окошка кассы несколько малышей клячат у покупателя денег. Здесь же у малолетних посетителя магазина принимают пустые водочные бутылки. Без всякого труда подростку удается уговорить продавщицу отпустить ему водку.

Недалеко от «Гастронома» на Садовое - Каляевской улице — пивной лаек. Подходят двое подростков — мальчик и девочка. Жестом бывшего кавалера мальчик бросает деньги на барьер, и продавщица охотно отпускает две большие кружки пива. А вот, рядом с типографией «Крас-

ный пролетарий», подростки ходят по тротуару одной шеренгой, нарочно загораживают дорогу прохожим. Они грубо толкают проходящих женщин, вынуждают прохожих ходить не по тротуару, а по уличной мостовой. При этом ватага хулиганящих подростков орет непристойные песни — именно не поет, а орет и упивается своей безнаказанностью. Всерьез никто из прохожих ими не интересуется, а замечание встречной старушки: «Ишь, безобразники, раскричались, словно пьяные», только подзадоривает озорников.

Улица привлекала ребят тем, что здесь они могли свободно хулиганить. Здесь они, при молчаливом «невмешательстве» всех прохожих, полностью предоставлены самим себе, лишены какого бы то ни было контроля.

Примерно то же самое можно было видеть и в московских школах. Ученики здесь, не стесняясь, сквернословят и в стенах школы учиняют частые драки, доходящие до поножовщины. Есть немало школьников, которые уличены в воровстве. Некоторые мальчики и даже девочки курят, употребляют спиртные напитки.

Ученицу 169-й школы, Таню Солдатову, часто можно было видеть в компании карманных воров. Ее брат, также ученик этой школы, уже судился за ограбление пьяного на улице. Среди школьников он популярен. Прибегая к уговорам и угрозам он

Сердце подсказало...

Советские газеты сообщают, что колхозник Феррапонт Головатов год тому назад отдал все свои трудовые сбережения на постройку самолета, который он подарил одной гвардейской авиационной части. На этом самолете было совершено бесконечное число всяких подвигов. И в конце концов самолет этот, конечно, в боях поизносился и вышел из строя. «Сердце славного патриота, колхозника Феррапонта Головатова, — пишет «Правда», — подсказало ему решение, и он к 1-му мая вновь отдал все свои сбережения на постройку нового самолета».

Вот оно как! Каждый год по самолету строит советский колхозник! И никак иначе не может: сердце ему это подсказывает! Ну, а вы сами понимаете, что если сердце что-нибудь подсказывает, то тут уж ничего не поделаешь! Тут уж только одно: вынимай деньги из сберкассы и строй самолет!

В колхоз «Красные Пеньки» приехала машина, а на машине приехали трое: двое из района, а третий из области. Собрали собрание.

— Вот что, товарищи, — сказал тот, который был из области, — я думаю, что вам уж давно сердце подсказывает собрать пять тысяч пудов муки для Красной армии. Благодаря мудрости товарища Сталина мы...

— Пя-ять тысяч! — испуганно ахнуло собрание. — Да скудова же их взять-то!

— Я этого не касаюсь! Если сердце вам подсказывает, то вы найдете, откуда их взять... Три дня срока довольно?

Трех дней оказалось достаточно: за эти три дня успели арестовать Семена Бескрайнего и Марию Колотухину... Потом успели произвести поголовный обыск и угнать из колхоза семь коров, двух лошадей и одиннадцать телят... Сердце колхозников все молчало, но когда на третий день арестовали сра-

вербует себе помощников и соучастников. Шайка хулиганов и воров обыскивает выходящих из школы учеников и бесцеремонно отбирает все, что ей заблагорассудится... Таких примеров очень много.

Борьба с детским хулиганством в условиях советской действительности была почти невозможна. Большевики стараются и до сих пор посеять семя раздора между взрослыми и детьми, между детьми и их родителями.

Н. В. Диков.

зу шестнадцать человек, то сердце не выдержало и подсказало решение: продать все барахлишко, сколотиться из последнего, собрать по закромам все зерно и всю муку, прикупить чего не достанет и... Душу-то хоть отпустите на покаяние!

К колхознику Егору Перебейносову приехало двое. Сначала для отвода глаз поговорили о международной обстановке и о посевной кампании, а потом вдруг спросили:

— Ну, а вам, товарищ Перебейносов, сердце-то ничего не подсказывает?

— Чего такого? — не догадался Перебейносов.

— Сердце-то ничего не подсказывает? Вот, например, пожертвовать на танковую колонну тысяч пятьдесят — семьдесят? А?

— Да что вы, такую силу? Где ж так! Откуда ж таки!

— Ну, как откуда... Оттуда! Ежели сердце подскажет, так найдете откуда! Главное, это чтобы сердце подсказало!

Сердце Перебейносова ничего не подсказывало и его забрали. Пропадал он месяца два... А когда вернулся, то никому не сказал, продал корову, двух поросят, новые сапоги, женнины платья и платки, две подушки и самовар... Потом опять уехал ненадолго. Очевидно, сердце-то ему все-таки подсказало... внес он эти деньги, внес!

Только вот что-то с тех пор стал плохо слышать и все жаловался, что у него «внутри болит»...

Колхозники собрались. Глаза их сверкали гневом. Речи были несвязные и горячие. Страсть охватила их.

— Довольно уж! — слышны были выкрики. Двадцать пять лет пьют с нас кровь! Силы уже больше нет терпеть-то!

— Правильно! Заел нас Сталин! Житья от него нет!

— Продай англичанам да американцам. Жидам всю власть отдал, а с нас кровь пьет!

— Жилы тянет!

— Довольно!

— Вали, ребята! Всем народом! Аль мы не русские?

Крики становились все громче и громче... Гнев нарастал... Сердце каждого колхозника подсказывало ему выход и решение:

— Долой Сталина! Да здравствует свободный народ!

Правильно подсказывало сердце!

Н. Торопов.

ДЕТСКАЯ ПОЧТА

Дорогие дети

Случалось ли вам когда-нибудь бывать в лесу рано утром или вечером на заре. Лес в это время особенно оживлен. Каких только голосов, каких только звуков там не услышишь. Целый хор! А что это за звери и птицы? Вот прочитайте рассказ «Лесной хор» и вы узнаете кто из них как поет, кричит, свистит.

Лесной хор

На утренних и вечерних зорях все лесные жители поют и играют, кто на чем и как умеет. Тут услышишь и звонкие голоса, и скрипку, и флейту, и лай, и свист, и щелканье, и кашель, и вой, и писк, и уханье, и жужжанье, и урчанье, и кваканье.

Звонкими чистыми голосами поют зяблики, щелкают и свищут соловьи, певчие дрозды. Скрипят жуки и кузнечики. Барабанят дятлы. Свищают флейтой иволги и маленькие дрозды-белобровики. Лает лисица и кашляет козуля. Воет волк и хохочет сова-неясыть. Ухает филин. Жужжат шмели и пчелы. Урчат и квакают лягушки.

Никто не смущается, если у него нет голоса. Каждый выбирает себе музыкальный инструмент по своему вкусу.

Дятель отыскивает звонкие и сухие сучья. Это у него барабан. А вместо палочек у него свой крепкий нос. Жуки-усачи скрипят своей жесткой шеей, а кузнечики — лапками по крыльям: на лапках у них зацепочки, а на крыльях — зазубринки. Рыжая цапля выль тикнет свой длинный клюв в во-

ду, де как дунет — бултыхнет вода — по всему озеру гул, словно бык проревел.

А бекас тот даже хвостом умудряется петь: взвывает ввысь, да оттуда вниз головой с распушченным хвостом, как камень, летит. В хвосте у него ветер гудит — ни дать, ни взять, барашек блеет над лесом.

Вот какой чудный хор в лесу.

Обязательно сходите когда-нибудь погулять в лес и вы сами услышите этот хор голосов и звуков. Только, дети, когда вы бываете в лесу, особенно в сухое летнее время, остерегайтесь разводите костры, чиркайте спички и вообще зажигайте огонь. Попадает куда-нибудь искорка, а сухой мох и валежник быстро загорается. Так может случиться пожар. А знаете ли вы что такое лесной пожар? Это большое несчастье. Разгорится огонь, пойдет прыгать с одного дерева на другое, и ни чем его не остановить, не потушить. Вот как писатель П. Мельников описывает такой лесной пожар.

Пожар в лесу

Больше двадцати верст надо было проехать сплошным дремучим лесом, обширными пашнями и чащобами, там бы уже совершенно было безопасно от лесного пожара. Дорога шла узкая, извилистая; чуть не на каждом шагу пересекалась — корневищами. С обеих сторон сумрачными великанами высились громадные ели и лиственницы; меж них во все стороны разросся густой непроходимый чапыжник. Узкая полоса дневного света тянулась над вершинами непроглядной лесной чащи, и хоть далеко было еще до вечера, а в лесу было уже темно, как в осенние сумерки.

Вдруг, влево от дороги послышался в отдалении необычайный, несмолкаемый треск... С каждой минутой он возрастал, обдавая странников ужасом. Свист и визг разносились по лесу. Зашумело в вершинах елей и лиственниц: то стада белок, спасаясь от огня, перелезали с дерева на дерево. Почуввав недоброе, лошади закусили удила и помчались, сломя голову, запрыгали повозки по толстым корневищам: того и гляди, либо ось пополам, либо все на боку.

— Огонь идет! — воскликнул Дементий. И отчаянный крик его едва слышен был за страшным шумом огненного урагана.

Все крестились, творили молитвы, женщины плакали навзрыд.

Вдруг смолистым дымом пахнуло, и по узкой световой полосе, что высилась над дорогой, как громадные огненные птицы, стаями понеслись горящие лапы, осыпая дождем искр едущих. Вой урагана превратился в один нескончаемый оглушающий раскат грома. Ему вторили, как пушечные выстрелы, стоны падавших деревьев, вой спасающихся от гибели волков, отчаянный рев медведей. Вот перерезало дорогу быстро промчавшееся по-

чапыжнику стадо запыхавшихся лошадей. Вот над деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрее вихря понеслись лесные птицы. Багрово-синими волнами за клубился над лесом дым. Палящий огненный ветер понесся низом меж деревьями, расстилался над землей душасущий смрад. Вдруг между вершинами деревьев блеснула огненная змейка, за ней другая, и мигом все верхи елей и лиственниц подернулись пламенным покровом. Брызнула из деревьев смола, и со всех сторон полились из них огненные струйки.

Вдруг передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опор помчалась по прогалине, извивавшейся среди чапыжника. За передней парой кинулись остальные.

— Куда ты, куда Дементьюшка?

— Кони лучше нашего знают, — молвил Дементий, отпуская вожжи, и сняв шапку, стал креститься. — Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Царю Небесному! — говорил он. Не прошло трех минут, как лошади из пылающего леса вынесли погибавших в обширном моховом болоте.

Видите, как ужасен бывает огонь в лесу. Он уничтожает и сметает все на своем пути. Поэтому еще раз напоминаю вам, будьте осторожны во время ваших прогулок.

Наш зоосад

Ну, как, дети, отгадали вы, какие звери были нарисованы в прошлом номере «Детской почты»? Это были кенгуру, козуля, рысь и волк.

А вот посмотрите на эти рисунки.

Узнаете вы, что это за звери?

Попробуйте и вы сами нарисовать каких-нибудь зверей и присылайте мне ваши рисунки.

До свиданья, дорогие дети. Жду ваших писем.

ВАША

тетя Маша

Ночь над Ламаншем

Боевой полет ночного бомбардировщика

Третья ночь вторжения. Ярким пламенем горит город Казн. На берегу горящие и разбитые десантные суда, выброшенные волнами на берег. Вдали, у горизонта, намечается новая волна десантных судов, готовящихся к высадке. В воздух поднимаются трассирующие зенитные гранаты, ослепительными молниями прорезающие темноту. Медленно падают осветительные ракеты. С земли и моря воздух сотрясают разрывы. Столбы пламени взвиваются к небу и медленно распадаются на стороны.

Ночь поглощает все: вспышки света, вой и свист осколков, фонтаны грязи. Справа и слева спокойно работают моторы, крылья самолета задевают клочок белого облака, опознавательные германские кресты на секунду исчезают в тумане. Время — ноль часов, двадцать семь минут. Тя-

Истребители яростно кружатся вокруг бомбардировщика. Время от времени выпускают огненные очереди из тяжелых пулеметов.

Моторы бомбардировщика работают на полных оборотах. Самолет резко снижается и на бреющем полете приближается к линии фронта. Истребители исчезают в темноте.

Наконец, посадка.

Самолеты приземляются, стартуют, снова приземляются. В штабе летчики с веселыми лицами передают донесения. Это старые бойцы против Англии, испытанные в воздушных боях от Лондона до Мальты, от Бристоля до Африки. Они специалисты по разгрому вражеского судоходства и прорыву зенитных заграждений. Их эскадрильи носят почетное название «Соколы Морзебурга», «Викинги», «Дикие Лебеди».

Второй старт. Бомбовые люки полны новым грузом, резервуары заправлены горючим.

— Вперед!

Командир эскадры поднимается первым. За ним самолет за самолетом. Моторы ревут. Голоса и крики заглушаются отчаянным грохотом. Самолет плавно отрывается от бетонированной дорожки. Внизу протягиваются светлые извилины рек, скрещиваются дороги. По ним сейчас наверно двигаются танки и войска. А вот снова берег, узкое, тесное пространство неприятельского десантного плацдарма.

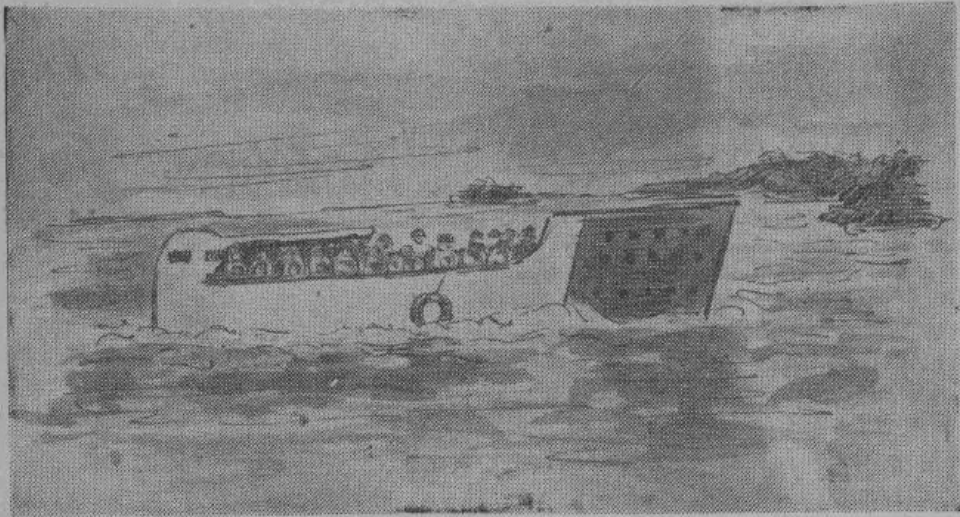
В маленькой бухте разгружаются вражеские суда. Снова работают моторы на полных оборотах. Снова открывает зенитная артиллерия яростный заградительный огонь. Между крылом и рулевым управлением пронесится целая очередь легких снарядов.

Бомбы сброшены. На этот раз сбрасывают разрывные и зажигательные бомбы. Внизу, на сотни метров ураганом пронесится сплошной смертоносный град стали. На высоте в пятьсот метров тяжелый бомбардировщик совершает разворот и снова скользит над атакованным сектором. Во многих местах видны яркие пожары. Становится светло, как днем. Повидимому, в воздух взлетел большой штабель боеприпасов и гранат.

Обратный путь.

Брезжит рассвет. С ночного полета на свои базы возвращаются тяжелые бомбардировщики. Летчики заворачиваются в походные одеяла и погружаются в короткий и крепкий сон.

Я. Смирнов.

Английское судно для высадки войск. Носовая часть откидывается вперед и при высадке с судна служит трапом. Судно способно вместить один танк и сорок солдат.

желые германские бомбардировщики летят на врага.

Вот приближается берег. Четко вырисовываются его контуры. Наблюдатель прижал голову к стеклу кабины и внимательно исследует все побережье. Вдруг поднимает руку, оборачивается, кричит в микрофон:

— Четыре километра от берега, на параллели — корабли.

Нос самолета наклоняется вниз, под острым углом приближается море. Снова голос наблюдателя:

— В пятнадцати километрах за первой линией — вторая десантная волна.

Далее следуют числа, указание высоты. Самолет быстро снижается. Скорость растет. Пытаясь в тоне громче режут моторы.

Сквозь просвет в облаках, луна бросает яркий блик на побережье. Время — ноль часов, тридцать минут.

Внизу сейчас прилив. Отлогий берег покрыт водой. По диагональному курсу к нему несутся суда. Пилот самолета открывает прицельный аппарат и слегка поднимается.

Бомбардировщик наклоняется круче, внезапно перед ним вздымается стена ярких трассирующих гранат. Обстрел ведется с судов, ведется с берега. Но на борту самолета спокойствие, прерываемое лишь голосом наблюдателя, указывающего высоту.

— Тысяча двести метров... Во семьсот... Шестисот пятьдесят

Резкий возглас командира:

— Сбросить бомбы...

Ответ бортмеханика:

— Есть, сбросить бомбы!

Несколько секунд напряженного взгляда во тьму.

— Вот.

Внизу взвиваются два столба пламени, облизывают палубы кораблей и разгорается в двух местах. Пожар на вражеских судах.

Самолет взмывает вверх. Справа и слева показываются две быстро приближающиеся тени.

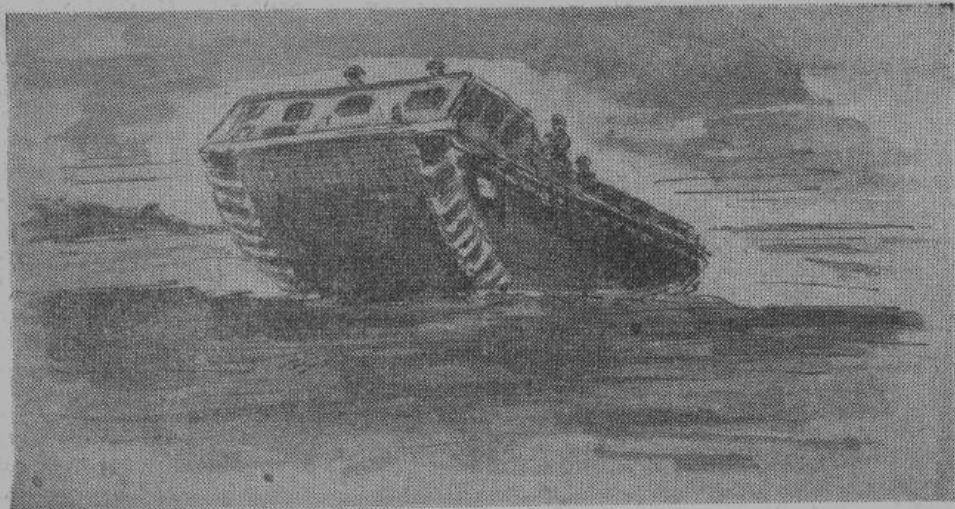
— Ночные истребители

Двенадцать часов у орудия

Серое, туманное утро. Уже несколько часов длится напряженное ожидание чего-то. Объявлена тревога. Огромные соединения вражеской авиации с ревом пронеслись над батареей. Что случилось! Наконец поступают первые сообщения о высадке вражеского десанта. Все устремляют вопрошительные взоры в сторону офицеров, выходящих от командира. Но все еще неизвестно ничего определенного. Рассвет медленно и неохотно пробивается сквозь туман. Видимость плохая, не больше трех четвертей морских миль. Наконец, вскоре после шести часов утра, как по магическому заклинанию, раздвигается туманная завеса и на горизонте показываются

Наконец, началось то, во что многие уже перестали верить. Так вот, как выглядит то, о чем так много говорилось и писалось! Десант!...

Но больше нет времени раздумывать. Приказ — приготовить орудия к бою. Почти автоматически, привычными движениями приводятся в действие дремлющие великаны орудийных стволов. Спокойно, точно так же, как это месяцами проделывалось на учениях, только приказ теперь гласит не «по предполагаемому врагу», а ясно и отчетливо сказано: «По вражеским танкам триста пятьдесят градусов». Медленно и грозно поворачиваются смертоносные жерла орудий в сторону врага.

Американское десантное судно «Аллигатор» снабжено броней и гусеничной цепью. Оно способно передвигаться, как по суше, так и по воде.

темные силуэты кораблей. Они совсем не кажутся страшными и скорее похожи на оловянные фигурки, поставленные на сверкающей серебряной бумаге. Торпедоносцы, крейсера, линкоры... Нет, это не детская игра.

В шесть часов четырнадцать минут прогремел первый залп. Так началось!

А через двенадцать часов люди также продолжали стоять у орудий. Бой длился без перерыва целый день. Никто больше не считал часов, никто не запомнил в какой именно час и что произошло.

Только в боевом журнале батареи короткие записи: 06.19 — 06.25 — выстрелы по вражескому крейсеру. Крейсер выпустил дымовую завесу... 07.07 — 07.18 — крейсер поворачивает и скрывается из виду... 09.07—09.24 — попадания в линкор типа «Куин Элизабет»...

И так продолжалось час за часом. Враг уходил, маскировался, снова приближался под прикрытием дымовой завесы... Стволы орудий беспрерывно извергают огонь.

Наконец, к вечеру, вражеские корабли повернули и окончательно скрылись из поля зрения. Попытка высадки десанта в этом месте полностью отбита.

В боевом журнале дописывают последние строки: «Батарея целый день находилась под обстрелом тяжелых бортовых орудий и подвергалась атакам с воздуха... Потерь в людях нет».

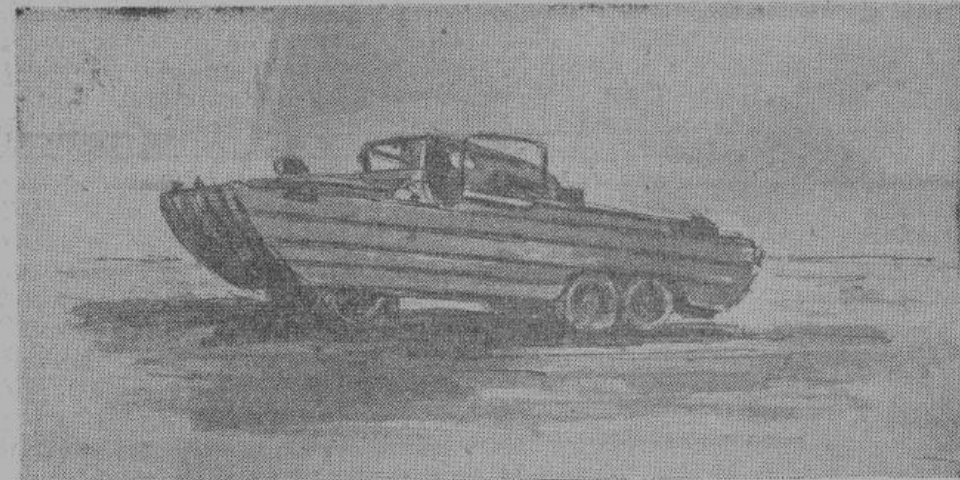
Тысячи пленных англичан отправляются в лагерь.

Поистине удачная высадка

Рассказ пленного англичанина

На-днях, в разгаре боев, у побережья Ламанша германские артиллеристы обнаружили одинокое английское десантное судно, на полных парах шедшее к берегу, недалеко от

дильсь. Шум прибоя и стрельба прерывались криками и стонами сотен умирающих и страдающих наших товарищей, помочь которым мы ничем не могли.

Американское судно для высадки войск имеет колеса и способно передвигаться как по суше, так и по воде. Вместимость его — 25 человек.

порта Гавра. Судно еще не вошло в пределы досягаемости немецкого орудия, но артиллеристы внимательно наблюдали орудия и готовились к бою.

Вдруг наблюдатель увидел, как на вражеском судне был поднят белый флаг. Артиллеристы застыли в боевой готовности и стали ожидать дальнейших событий. Лодка подошла к берегу, с нее сошли совершенно изнуренные английские солдаты, подняли руки вверх и безмолвно дали себя разоружить.

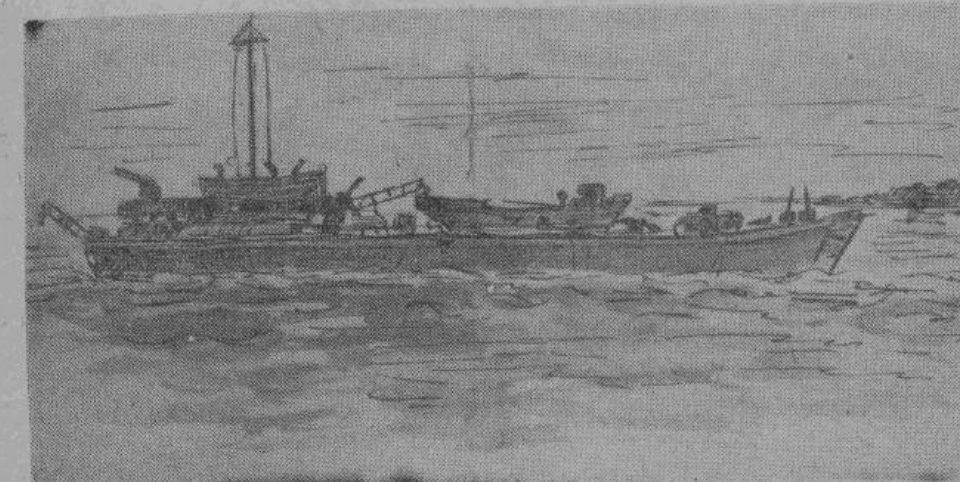
Двадцатипятилетний английский сержант Роджер Мюррей, из Бристоля, сдавшийся здесь в плен, рассказал:

— Когда мы выяснили, что податься к берегу на указанном нам участке совершенно невозможно, мы попытались высадиться несколько северо-восточнее. Сильный германский заградительный огонь и тут, однако, нас к берегу не подпустил. Повсюду на волнах раскачивались надутые лодки, полные убитых и тяжело раненых английских солдат. Ночью мы заблуж-

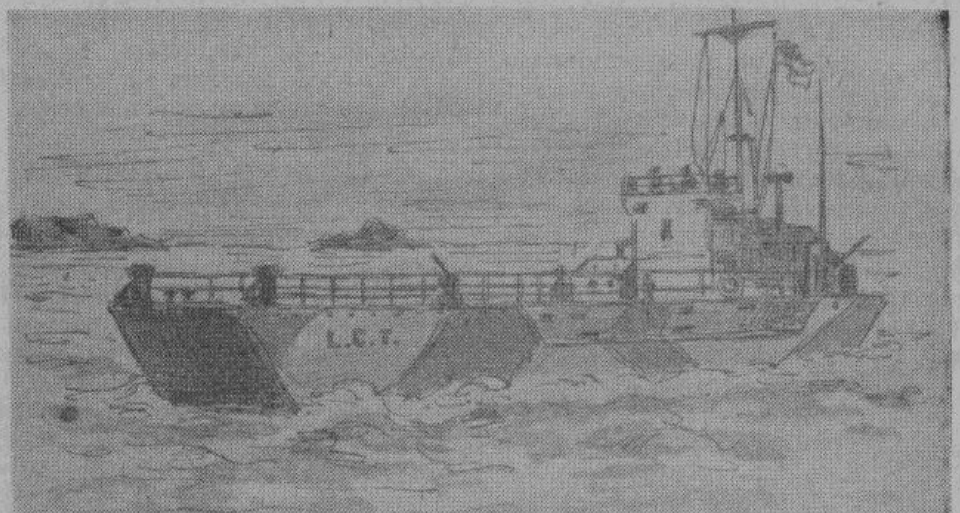
Положение наше было отчаянным, лодка наша была пробита уже в трех местах и мы непрерывно должны были вычерпывать воду. Двое суток уже мы ничего не ели. Бензин двигателя нашего судна кончался. Двухдневное мотание по волнам окончательно нас измучило. Вымокшие насквозь мы всю ночь дрожали от холода. Война потеряла для нас всякий интерес, мы хотели лишь одного... обогреться и спать...

На утро мы решили выкинуть белый флаг, и пробираясь между тонущих десантных лодок, остатков погибших судов и тысяч плавающих на поверхности моря трупов — мы, наконец, достигли берега.

— Теперь, слава Богу, это мучение окончилось... Мы хотели бы только сейчас спать, спать и спать... — закончил свой рассказ сержант, еле державшийся на ногах от усталости.

Американское десантное судно для высадки танков. На его борту видно медкое судно, спускаемое на воду в непосредственной близости от берега и предназначенное для высадки танка.

Английское десантное судно типа «ЛСТ». Это судно принимает на борт от пяти до шести танков и имеет водоизмещение в триста пятьдесят тонн. Благодаря незначительной осадке судна, оно способно вплотную подходить к отлогому берегу.